

ПЁТР ЧАЛЫЙ

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПЕЧАЛЬ

И вот непривычная, но уже нескончаемая вереница подневольного люда того и другого пола омрачает этот прекраснейший город скифскими чертами лица и беспорядочным разбродом, словно мутный поток — чистойшую реку; не будь они своим покупателям милее, чем мне, не радуй они их глаз больше, чем мой, не теснилось бы бесславное племя по здешним узким переулкам, не печалило бы неприятными встречами приезжих, привыкших к лучшим картинам, но в глубине своей Скифии вместе с худою и бледною Нуждой среди каменистого поля, где её (Нужду) поместил Назон, зубами и ногтями рвало бы скудные растения. Впрочем, об этом довольно.

Петрарка

Из письма Квидо Сетте, архиепископу Генуи. Венеция (1367)

*Так писал он за несколько лет
До священной грозы Куликова.
Как бы он поступил — не секрет,
Будь дана ему власть, а не слово.*

*Так писал он заветным стилем,
Так глядел он на нашего брата,
Поросли б эти встречи былъём,
Что его омрачали когда-то.*

*Как-никак, шесть веков пронеслось
Над небесным и каменным сводом.
Но в душе гуманиста возрос
Смутный страх перед скифским разбродом.*

*Как магнит, потянул горизонт,
Где чужие горят палестины.
Он попал на Воронежский фронт
И бежал за дворы и овины.*

*В сорок третьем на лютном ветру
Итальянцы шатались, как тени,
Обдирая ногтями кору
Из-под снега со скудных растений.*

*Он бродил по тылам, словно дух,
И жевал прошлогодние листья.
Он выпрашивал снег у старух,
Он узнал эти скифские лица.*

*И никто от порога не гнал,
Хлеб и кров разделяя с поэтом.
Слишком поздно других он узнал.
Но узнал. И довольно об этом.*

Юрий Кузнецов

1

“...есть ли смысл в поисках прошлого?”

2

В годы горбачёвской “перекройки” Отечества к нам на верхний Дон, в Россошь и её окрестности, зачастили гости из Италии. Путешествовали они, как шутили между собой местные жители, “по местам боевой славы”. Сюда их, старых и молодых, и людей средних лет, тянуло магнитом памяти. Им, наверное, казалось, что полевые ветры всё ещё разносят голоса друзей-товарищей, отцов и просто родичей, спящих вечным сном в этих степях чернозёмных с зимы сорок третьего года, поныне памятной многим в их далёкой стране.

В “Икарусе” с итальянцами была ленинградская девушка-переводчица, мало что знавшая о здешних событиях Великой Отечественной войны. Попросили в проводники-экскурсоводы меня, журналиста воронежской областной газеты “Коммуна”.

С главной дороги свернули на просёлочный асфальт, присыпанный слегка жёлтыми осенними листьями и свежей золотистой соломой. Как и просила переводчица, говорил я медленно и кратко. Рассказывал о том, что правый крутой берег Дона, с белых меловых гор которого на десяток километров просматривается заречная сторона, представлял собой сплошь хорошо укреплённую неприступную крепость. Да ещё река разделяла линию фронта. Её и держали на расстоянии в двести семьдесят километров итальянцы с приданными к ним частями немцев и хорватов. На карте участок очерчивается примерно от воронежского городка Павловска вниз по течению Дона к Вёшенской – всемирно известной казачьей станице.

Слушатели мои оживились. Можно было понять, что они пытались сказать по-русски: “О! Аксинья! Григорий! Шолохов!”

– Читали книгу “Тихий Дон”?

– Да! Да! – Говорили большинство, поддакивая головой и жестикулируя руками.

– Скоро увидим Дон. – Все сразу прильнули к окнам автобуса. Но ожидание очарованья настоящей русской степью пришло чуть позже, когда пешком поднялись на вершину Мироновой горы. Её меловой обрыв принимал на грудь утёса величавый водный поток, тихо и плавно поворачивал его круто с севера на восток, под прямым углом. Это же спокойствие царило окрест во все далёкие видимые стороны света под прозрачным синим небом в лугах и полях, в селениях. И живущим в них людям просто не мог не передаться в характер, в житейский уклад вечный и мудрый покой природы.

Не только гранёный штык обелиска, не только плиты с именами сотен тысяч павших воинов – уроженцев великого Советского Союза – напоминали о былых сражениях. Спустя полвека на омываемых ливнями склонах горы хоть горстями собирай ржавые снарядные осколки. Затравенели, но ещё не затянулись землёй траншеи, окопы, блиндажи – “опорные пункты” оккупантов.

“Наглядные пособия”, наверное, добавляли впечатлений моему рассказу, который я вёл тоже предметно. В той стороне, указывал рукой, – Сталинград. Там окружили немцев, румын. На эти донские высоты, где сейчас стоим, наши войска пошли в прорыв, чтобы расширить “коридор” окружения. Чтобы не дать врагу вырваться из “котла”.

Гостей, понятно, больше интересовал здешний “Сталинград на Дону”.

Указывал пальцем, называл видимые с холма и скрытые за горизонтом

сёла, где в обороне стояли итальянские дивизии “Тридинтина”, “Виченца”, “Кунезе”, “Юлия”, “Равенна”, “Коссерия”...

Лица слушателей вдруг стали скорбными. С печалью, но и неотрывным интересом они следили за движением моей руки, будто она открывала картины прошлого.

По численности войск, орудий и миномётов, пулемётов, даже самолётов противник превосходил нас. К тому же, напомним, занимал очень укреплённые позиции. Но в том-то и сила военного искусства — побеждать меньшим числом! Наше командование сознательно незаметно оголило второстепенные участки фронта. Оставило там немногочисленные части, которые боевыми “уколами” лишь отвлекали внимание, создавали видимость наступления. Основные же силы собрали-сосредоточили в трёх местах прорыва. Скрытно, в глубоких снегах, по бездорожью перебросили сюда части третьей танковой армии. Стоило это невероятных трудов. В три “кулака” и ударили: на севере — за Острогжском со Сторожевого, на юге — от Кантемировки близ станции Пасеково, а посередине — от донского села Щучье. Взяли противника не в привычный уже “котёл”, а с ходу рассекали его на части помельче. Не дали врагу опаматоваться и соединить силы. Окружение завершили в две недели, встретившись за Алексеевкой, Валуйками.

В ходе Острогжско-Россошанской боевой операции полностью разгромили противника, захватили в плен с 13 по 27 января больше восьмидесяти тысяч человек, а шести дивизиям нанесли серьёзное поражение.

Большая “дыра” во вражеской линии фронта, недавно казавшейся непреодолимой, открывала Красной армии путь на Украину. Положение на Дону не минуло бесследно для Италии. Страна была выбита из войны как союзница фашистской Германии.

Хоть слушали меня вроде внимательно, гостей, оказалось, больше интересовали конкретные подробности, а не общая история давних боёв. “Далеко ли кладбище у хутора Зелёный Яр”? “Нам отец из Белогорья прислал последнее письмо, в какой стороне селение?” “Неужели то Новая Мельница? Где же был мой блиндаж?”

Разом прервал расспросы зычный командный голос старшего в группе. Тихо разговоры продолжались в автобусе, пока с асфальта не свернули прямо на берег Дона. Кто-то кинулся на луг, стараясь не загнать в ладонь занозу, спешил нарвать букет по-своему симпатично красивых синих колючек. Плачущая женщина просила растолковать, где ей нужно искать могилу отца, если он отступал в другом направлении — от Богучара на Ворошиловград-Луганск. Но опять же нас всех созвала “до кучи” прозвучавшая по-военному команда.

На прибрежном песчаном откосе стоял маленький человечек. Облачённый в мантию или иную церковную одежду, он враз из гражданского превратился в священника. Раскрыл молитвенник. А рядом бережно держали венок пытавшиеся выглядеть стройнее старики в зелёных альпийских шляпах с пером, наверное, из крыла горного орла. Венок закачала донская волна. И поплыл он по течению, распустив муаровые ленты, на большую воду, капелька которой, возможно, преодолеет тысячекилометровые дали и омоет средиземноморское побережье итальянского “сапожка”. Поплыл венок под песню трубача, мелодия которой напоминала нашу русскую “Из-за острова на стрежень, на простор речной волны...”

На обратном пути я рассказывал спутникам, что сам хоть родом из послевоенного поколения, но знаю о войне не только по воспоминаниям старших. В детстве спал под солдатским итальянским одеялом — это вызвало улыбки, смех. А когда брякнул, что на итальянских оранжевых гранатах, приманчиво похожих на заморские фрукты, подорвалось насмерть, чаще покалечилось немало моих сельских сверстников, то сразу почувствовал какое-то отчуждение. Меня уже не слышали. А раз так, то я погода незаметно оставил микрофон. Перебрался в конец салона, где на заднем сиденье охотно потеснился молодой мужчина. Он “розумел” что-то по-русски, как и я знал “по верхам” немецкий, так что столкнувались и быстро нашли общий язык. Особенно он обрадовался тому, что показал ему в заречной стороне хуторок Илюшевку. Сложил ладони перед собой и благоговейно поклонился трижды, всматриваясь в золотистые вишнёвые сады, осенним костром полыхнувшие на обрыве. Мой попутчик исполнил наказ отца, который запомнил степной хуторок, где

его отогрела и подкормила крестьянская семья, благодаря ей он выстоял, уцелел в метельной кровавой сече.

Собеседник оказался сведущим в сельских делах. Когда прямо с обочины дороги изумрудом зеленели бескрайние озимые хлеба, когда чёрная пашня раскрывалась во всю ширь к самому небу, он не мог сдержаться. Воздевал кверху руки и восхищался: как же, мол, вы, славяне, богаты. Я его вразумлял. Пшеница наша растёт не под тёплым лазурным небосводом. Заморозки, засухи нередко сводят на нет тяжкие крестьянские труды. Каменные дворцы для коровы строим от нужды, в загоне-шалаше по-итальянски здесь она просто околет зимой. Природа диктует нам затраты на продукты питания.

— Зона рискованного земледелия, — старательно выговаривал эти слова вслед за мной итальянец. И неверяще глядел в русские поля, вспоминая песню пятидесятых годов, которую он слышал давно с граммофонной пластинки — чей-то подарок из России, с московского Всемирного фестиваля молодёжи. Напевал мелодию, но я в ней тоже ничего не мог расслышать. А когда утерянное вдруг выплыло в памяти, мой иностранец обнял меня за плечи и, повернув к окну, торжествуя выкрикнул:

— Родины просторы!..

3

Не знаю, до сих пор ли в ушах и в голове ему, старому писателю, живущему на севере Италии у подножия Альп в маленьком городке, отдаётся скрип русского снега под солдатскими ботинками? Все ещё слышит ли он, Марио Ригони Стерн, как “звонит овитая ветром сухая трава на берегах Дона”?

Я прочёл его книгу “Сержант в снегах”, в которой он рассказал о себе и боевых друзьях, о трагическом для итальянцев походе на восток. Его повесть — как живое свидетельство непосредственного участника Острогужско-Россошанской операции, ставшей для союзников — немцев, итальянцев и венгров-мадьяр — своим Сталинградом.

Унтер-офицер Марио был бойцом на передовой. Он не озлобился, не очерствел душой. Через замёрзший, скованный льдом Дон альпиец (звание, схожее с нашим гвардейским) “смотрел на этих русских солдат дружелюбно, как смотрит сосед на крестьянина, который разбрасывает в поле навоз”.

Но у “соседей” в руках не вилы, а оружие. “Я вышел и вместе с часовыми смотрел на трупы русских солдат, оставшиеся на реке, и вот в лучах утреннего солнца увидел, что двое не убиты, а прячутся неподалёку от нас на берегу за холмиком. Немного погодя они зашевелились. Один вдруг вскочил и бросился бежать к своему берегу. Я прицелился и выстрелил. Бегущий солдат рухнул на снег. Его товарищ, который тоже было вскочил, снова спрятался за холмиком. Я наблюдал в бинокль за русским, лежащим у берега. Почему же он не дождался ночи, чтобы вернуться к своим? Часовой тоже вёл наблюдение. Вдруг он крикнул:

— Он живой!

Мнимый убитый вскочил и как бешеный помчался к другому берегу.

— Перехитрил он меня! — воскликнул я и весело засмеялся.

Но часовой схватил ручной пулемёт и, выпрямившись, дал очередь. Русский солдат снова упал, но не так, как прежде. Он, извиваясь, прополз несколько метров, а потом застыл, протянув руки к уже близкому берегу...

Русские опять пошли в атаку, с ещё большей решимостью. Мы вновь открыли огонь. Но атакующие... не дрогнули и не повернули назад. Многие упали на снег возле холма, остальные с криком: “Ур-ра! Ур-ра!” — упрямо шли вперёд. А вот добежать до проволочных заграждений удалось немногим. Я стрелял из своего верного карабина. Некоторые притворялись убитыми: лежали недвижно на льду реки, а когда мы переставали за ними следить, вскакивали и вновь устремлялись к нашим позициям. Один из солдат прибежал к этой уловке раза три или четыре, пока возле нашей траншеи его в самом деле не сразила пуля. Он упал головой в снег...

Наверное, это очень страшно — форсировать реку, бежать по снегу под градом пуль и ручных гранат. Только русские способны на такое мужество, но наши позиции были слишком хорошо укреплены. Они прекратили атаки, и вновь настала тишина. Истоптанный снег на реке ещё больше покраснел от крови, ещё больше осталось на нём солдат, лежавших неподвижно...”

С нашей, русской стороны это был “отвлекающий” бой. Ударный прорыв готовился в другом месте, о чём, конечно, здесь не догадывались ни советские воины, ни противник.

Шла война.

Итальянцы долго удивлялись, когда захватили в плен русских женщин, которые шли в атаку. Обеим лет под сорок. Поразило: обе в брюках. “Лучше бы сидели дома да обед готовили, а то воевать”. Будущему писателю, его товарищам всё объяснила бы одна простая мысль, которая почему-то так и не пришла им в голову. А если бы они стояли с оружием не на берегах Дона? Сражались, скажем, у себя дома, в Италии, на родимой реке. Пошёл бы Марио в атаку белым днём? Не позволил бы любимой девушке или сестре брать в руки оружие?..

Марио Ригони Стерн – отличный стрелок, прошёл как инструктор хорошую закалку в военной горнолыжной школе. Это ему и помогло выйти в числе немногих из окружения, остаться в живых.

Он сотворил честную книгу – плач о товарищах, которые “спят среди этих бесконечных просторов”. Но умолчал, не ответил самому себе на главный вопрос. Зачем они приходили за тысячи километров на Дон с оружием? Чтобы ощутить “необъятность России”?

4

Ответы на эти и иные вопросы по написанному итальянским писателем “лирическому документу” о сражениях итальянцев на Дону и тому, что было в суровой действительности, хотелось услышать от самого ветерана, унтер-офицера альпийского полка. Марио Ригони Стерн в 1988 году был в Россоши. Но встреча с ним не состоялась. Как я могу предполагать, мои тогдашние товарищи поостереглись – вдруг “неудобными” расспросами испорчу впечатление гостя о нашей стране.

Возможно, схожие чувства подвигли и переводчиков книги “Избранное” в московском издательстве “Прогресс” (1982) представить благородным рыцарем итальянского “сержанта в снегах”. Чтобы читателю понятнее было, о чём речь, приглашаю сравнить отрывок из повести в дословном переводе на русский язык и в литературном переложении, увидевшем свет.

Январь 1943 года. Альпийским стрелкам из штаба корпуса поступил приказ – оставить позиции, свой “опорный пункт” на Дону. Отступить на запад, чтобы не оказаться в окружении, “котле”, как это только что случилось с лучшей 6-й немецкой армией вермахта чуть южнее – в Сталинграде.

Читаем близкий к оригиналу дословный перевод, его ещё называют подстрочником:

*... Я был один. Слышал из траншеи шаги альпийцев, которые удалялись. Окопы были пустыми. В блиндаже-берлоге на соломе, которая когда-то покрывала крышу избы, лежали грязные носки, пустые пачки от сигарет, ложки, мятые письма, а на опорных столбах были прибиты открытки с цветами, с изображениями любимых, горными пейзажами и детьми. А все окопы были пустыми, пустыми, абсолютно пустыми, как и я. Я был один и смотрел в темноту ночи. Не думал ни о чём. Сжимал пулемёт всё сильнее. Нажал на курок и расстрелял весь магазин; потом расстрелял ещё один, и пока я стрелял, из моих глаз катились слёзы. Я спрыгнул в траншею, зашёл в блиндаж Пинтосси, чтобы взять рюкзак. **Нашёл в нём ручные гранаты и бросил их в холодную печку. У других гранат сорвал два предохранителя и осторожно положил их на пол траншеи.** Я направился в сторону долины. Начинался снег. Я плакал и не понимал, что плачу, и в чёрной ночи я слышал только мои шаги в темноте дороги. В моём блиндаже, прибитая к опорному столбу, оставалась рождественская открытка, которую мне прислала девушка к Рождеству.*

Опубликованный перевод на русский в книжных изданиях текст:

... Я остался один в траншее. До меня доносились шаги исчезающих в тьме альпийских стрелков. Все берлоги опустели. На соломе, которая покрывала прежде чью-то избу, валялись грязные носки, пустые пачки из-под сигарет,

ложки, пожелтевшие письма, на опорных балках висели открытки с цветами, горными деревушками, влюблёнными и ангелочками. Да, берлоги были пустые, совсем пустые, и такую же пустоту ощущал я в душе. Я всё вглядывался в ночную темень. Ни о чём не думал, лишь крепко сжимал ручной пулемёт. Нажал на спусковой крючок и выпустил весь заряд. Стрелял и плакал. Потом спрыгнул вниз и забежал в берлогу Пинтосси взять свой ранец, и медленно пошёл по направлению к долине. Начал падать снег. Я плакал, сам того не замечая, и в чёрной ночи слышал лишь свои шаги по тёмному ходу сообщения. В моей берлоге на опорной балке осталась висеть цветная открытка с яслиями Христовыми, которую мне на Рождество прислала невеста.

В дословном переводе выделены шрифтом и подчёркнуты опущенные из подлинника подробности.

Сержант или унтер поступил совсем не по-офицерски. Ручные гранаты бросил в остывшую печку. У других гранат сорвал два предохранителя и бережно, чтобы самому не подорваться, положил их на пол траншеи.

Для чего сделал это защитник “тысячелетней западноевропейской цивилизации от московского варварства”? Обнаружив покинутые окопы, укрытия на донских крутогорах, сюда поднимутся красноармейцы. Неосмотрительно заденут валяющиеся под ногами гранаты и до предстоящего наступления завершат свой земной путь.

В жизни чаще случилось иначе. Передовые советские части обычно спешили преследовать отступающего противника. А первыми во вражеские траншеи и блиндажи радостно прорывались любознательные сельские ребята. Они-то и становились жертвами вроде как бы уже ушедшей от порога отчего дома войны. Вот свидетельство тогдашнего мальчугана из донской Дерезовки, будущего русского писателя Василия Белокрылова: “Увидел вымытую из земли тальми водами маленькую красненькую итальянскую гранату. Решил бросить. Разорвалась недалеко. Осколок зацепил правый глаз, его я лишился навсегда”. Именно так, с гостинцами-игрушками военной поры в руках погибли, искалечились тысячи детей. Так что Марио Ригони Стерн талантливо увидел и описал типичный поступок свой или товарища из фашистского стана. А что поступки эти были обычным делом, подтверждают участники “крестового похода” на Советскую Россию в своих воспоминаниях.

Вот как написал о начале отступления, по сути, однополчанин писателя Албино Эхер Клере, альпийский стрелок батальона “Валь Киезе” 6-го полка дивизии “Тридентина”:

“17 января 1943 года около четырёх часов вечера, в то время как я пёк хлеб, пришёл лейтенант из командования дивизии, который сказал нам только несколько важных слов: “Получен приказ об отступлении”.

Я знал, что делать: закрыл духовку, чтобы хлеб подгорел, разбросал мешки муки на пол, на снег, бросил в канаву оставшийся хлеб, опрыскивая его бензином.

Около пяти часов мы отправились в сторону Подгорного. Темнело. Это была адская ночь, метель невообразимая, и лёд везде... Мы шли всю ночь быстрым шагом и прибыли к командованию дивизии в Подгорном в семь утра; нашли место в одной из изб и пытались уснуть, изнемогающие от усталости. В десять утра 18 января прозвучал сигнал сбора. Генерал Ревербери с крыши избы произнёс речь солдатам: “Альпийцы, мы окружены и закрыты в котле. Мы должны открыть себе дорогу боем, а за котлом найдём поезд, который отвезет нас обратно в Италию, к нашим матерям и нашим жёнам”.

Со всех сторон поднялся крик, **потому что мы думали, что нам придёт-ся ждать весны для продвижения к Волге и Уралу; нам даже отдалённо не думалось вернуться домой так скоро.** Речь генерала возбудила всех, особенно меня, и с этого момента я думал только о возвращении домой.

Отступление началось во второй половине дня. Маршевая колонна была такой длинной, что, казалось, ей не было конца; она резко выделялась тёмной змейой на фоне заснеженной степи”.

Оккупанты оставались оккупантами.

Мы же собственной рукой стёрли показавшиеся случайными привычные жестокие черты и – увидели прекрасного и страдающего рыцаря.

Это извечная черта славянской души – видеть мир прекрасным, особенно если его олицетворяют гости из “цивилизованных” стран, к которым причислена и Италия.

В 1965 году в Милане вышел антивоенный сборник “Послание”, адресованный итальянским детям, молодёжи и воспитателям. На его страницах есть рассказ-откровение “Спасиба” Марио Ригони Стерна.

“Чувствую страшный голод. Солнце близится к закату. Где-то совсем рядом со мной у забора просвистела пуля. Должно быть, русские держат нас постоянно под прицелом, не спускают глаз. Бегу пригнувшись. Останавливаюсь у избы. Стучу в дверь, переступаю порог... и там советские солдаты.

Да, да, советские солдаты. Может, военнопленные? Нет. Они вооружены. Красная звезда на шапках. У меня в руках автомат. Смотрю на них и просто окаменел. Сидят за столом и спокойно едят. Едят деревянными ложками из общего котелка. Медленно повернули головы в мою сторону, и их деревянные ложки как бы застыли у рта. В это мгновение у меня вырывается фраза: “Мне хочеца есть”. Вижу и женщин. Они жестом приглашают меня.

Одна из них берёт тарелку, наливает в неё молока, кладёт большим половником пшённую кашу из общего казанка и протягивает мне. Делаю шаг вперёд. Сажусь и начинаю жадно есть. Время как бы не существует. Солдаты с удивлением смотрят на меня. Женщины и дети тоже. На какое-то время в хате воцарилась тишина. Слышится лишь лёгкий стук от ударов моей ложки о тарелку. Быстро заглатываю пищу. “Спасиба”, – говорю, закончив эту необычную трапезу. Женщина берёт из моих рук пустую тарелку. “Пожалуйста”, – отвечает она просто. Солдаты смотрят, как я направляюсь к выходу. Никто из них даже не шевельнулся.

В сенах стоят улы. Женщина, которая дала мне поесть, последовала за мной. Я набрался даже смелости попросить соты для моих голодных товарищей. Жестами объяснил свою просьбу. Она дала мне баночку мёду, и я спокойно ушёл.

Был такой факт. Кажется невероятным. Вспоминая сейчас и думая о нём, я совсем не считаю его необычным, странным. Подобное, конечно, очень редко, но случается между людьми в чрезвычайных обстоятельствах. После моего неожиданного вторжения, возникшего у всех удивления, все мои поступки затем были просты и естественны. Они вызвали у присутствующих чувства глубокого сострадания и жалости. Я со своей стороны не испытывал никакого страха, никакого желания нападать или защищаться. Всё было до предела просто и естественно. И у русских были такие же чувства, как и у меня. Это чувствовалось по всему. В той избе неожиданно создалась между всеми нами какая-то общая человеческая гармония. Нет, это не было перемирие. Просто порой на войне возникает такое стечение обстоятельств, которое приводит людей к тому, что они вдруг, даже невольно, становятся не врагами, а добрыми товарищами.

Кто знает, где теперь эти солдаты, эти добрые, милые русские женщины и их дети? Очень хочу надеяться, что война пощадила их, беда прошла стороной в их нелёгкой судьбе. До тех пор, пока мы живы, будем всегда вспоминать русских людей только добрым словом. Все мы, кто был там, в России. Вспоминать, рассказывать о том, как вели себя в тех краях. Особенно надо напоминать и рассказывать о тех событиях детям, молодёжи. Если однажды случилось то, о чём я рассказывал, то подобное может повториться. Может повториться – я хочу сказать – со многими другими людьми, стать привычкой, нормой поведения и жизни”.

Услышали ли соотечественники своего писателя?

В наш воронежский городок среди полей и окрестные селения, кстати, с лёгкой руки и Марио Ригони, написавшего уже в 1970-е о своём путешествии “Возвращение на Дон”, на рубеже 1990-х годов хлынули караваны пилигримов: живые участники восточного похода и родственники, близкие тех, чей прах покоился в донских степях. С понятной по-человечески благодарностью местными жителями и властями было принято желание альпийцев подарить городу детский садик. Тогда в речах звучало – “в знак покаяния и примирения, в знак дружбы народов”.

Искренне, сердечно принимали строителей. Помогали им, чем могли. Изначально наши мастера убрали останки прежнего старинного дома, рыли

котлован, выложили подвальную часть здания. Гостей окружили заботой. Старались, чтобы им работалось и жилось, как дома.

В дни открытия детского садика, а особенно спустя десять и двадцать лет, в медовом привкусе дружбы появлялось больше и больше горечи и досады. На торжественные юбилеи альпийцы прибывали в парадной форме с флажками и знамёнам, вымпелами частей, воевавших на Дону. Ораторы на митингах позабыли слова о примирении и покаянии. В полный голос они говорили о победоносном героизме “смелых альпийцев Восьмой итальянской армии”. Под бой барабанного военного оркестра браво маршировали, как теперь прояснилось, в сакральные, священные даты, а именно, в “круглые” годы 50-, 60-, 70-, 75-летия не горького поражения, а “победоносной битвы под Николаевкой”, “победы” у исчезнувшего села в нынешней Белгородской области, где горсточке итальянцев удалось выйти из окружения, избежать плена и гибели.

Маршировали потомки “сержанта в снегах”, как оказалось, тоже у сакрального для итальянцев места.

Во-первых, детский садик в дар построили именно там, где вдруг неожиданно в тёмной ночи сгорела старинная помещичья усадьба знаменитых воронежских Чертковых, в которой в оккупацию хозяином был штаб альпийского корпуса.

Во-вторых, в историко-краеведческом музее, расположенном в цокольной подвальной части детсада есть теперь зал боевой славы альпийцев с портретом-приветом от “дуче фашизма” Бенито Муссолини, с вымпелами воевавших в России частей, с табличками – пояснительными текстами на итальянском языке.

В-третьих, гости, по сути, из прошлого, напомнили латинское присловье: бойтесь данайцев, дары приносящих. В годовщину 60-летия для нас “Сталинграда на Дону”, а для альпийских ястребов в воинских шляпах-капеллах, из которых торчит птичье перо “надменно, вызывающе и гордо”, – “победоносного сражения под Николаевкой”, избранные и посвящённые преподнесли Россоси памятный знак. . . И – скрытно схороненный в кирпичном пьедестале пластиковый пакет с фрагментами останков – костей погибшего в давнем бою альпийца. Так в центре городка появилась тайная символическая могила фашиста-оккупанта.

Архитектурно продуманно возвели её в сквере напротив парадного детсадовского крыльца. Над ней никелем сверкает нержавеющей стали силуэт ястребиной шляпы итальянского воина.

Официально – это памятный знак в честь строительства детского садика “Улыбка”. Опять-таки для избранных и посвящённых – это мемориал “Почести павшим”.

Спустя десять лет, осенью 2013 года у альпийских “ястребов” вскружилась голова. О тайном знамении стало известно из уст его творцов в тексте на страницах изданной ими же в Италии книги к 70-летию юбилею: “OPERAZIONE SORRISO”, “ВЕРНУТЬСЯ В РОССОШЬ”, “1993–2013: ОСУЩЕСТВЛЁННАЯ МЕЧТА”. В ней на географических картах, военных лет и современных, указано, где на степном вражеском могильном погосте взяты останки альпийца героической дивизии “Юлия”. Адрес точен – окраина ныне исчезнувшего хуторка Зелёный Яр. На фотографиях достоверно запечатлены обнаруженные фрагменты костей и момент их вложения в нишу мемориала.

Неравнодушные горожане возмутились, при поддержке журналистов обнародовали эту подлую историю. Зато доморожденные как местные, так и столичные чиновники заедно с верхушкой итальянской ассоциацией альпийцев пытаются её скрывать. Броня у реваншистов ох, как крепка! И всё же – кости из тайной могилы убрали руками Следственного Комитета России. В музее иные люди, нет уже зала “боевой славы воинства Муссолини”. А вот сверкающая никелем шляпа альпийского стрелка пока ещё красуется на пьедестале.

... Жаль, никогда не узнаем, как бы принял случившееся итальянский писатель, упокоившийся навечно не молодым унтер-офицером, как его сверстники на донском берегу, а мудрым 86-летним старцем на кладбище в родных альпийских горах.

Умом нас, люди, не понять!

Позавидуешь: патриотизм для итальянцев не оплётанное понятие. Очередную годовщину трагических событий на Дону всегда стараются отметить пешим или лыжным походом по пути не “отступления”, а “выхода альпийцев из окружения”. О бесславном поражении можно, оказывается, говорить как о Великой Победе под белгородским селом в месте прорыва. Отсюда через степи к Дону они мечтают посадить-вырастить сплошную берёзовую аллею. Мечтают о новых помпезных мемориалах на русской земле в знак “уважения, благодарности, нетленной памяти наших павших, наших героев, смелой итальянской Восьмой армии”.

Да, на том месте, где в Россоши квартировал штаб альпийского корпуса, стоит детский сад “Улыбка”, внешне, кстати, очень похожий на форменную шляпу альпийца. Народная стройка Италии! Президент и председатель правительства чуть ли не первыми вложили в неё личные деньги. А соорудили дом не только рядовые – офицеры, генералы из военного блока НАТО! Брали в руки лопату, мастерок, а то и метлу, невзирая на звание.

“Улыбка” втайне оказалась не просто альпийским подарком городку и его жителям, но и данью памяти павшим соотечественникам. А ещё – “улыбкой” от “дуче фашистов”, итальянского фюрера Муссолини, от реваншистов, переосматривающих и переоценивающих итоги Второй мировой войны опять ради собственной выгоды. Пишу об этом с чувством справедливой обиды. Ведь прекрасная Италия в который раз нас “пидманула, пидвела”. А мы? Мы вот уж сколько лет смотрим, как не только зарубежные, но и доморожденные русскоязычные дёгтемазы чернят историю Отечества и его героев – весь народ. Не без успеха превращают нас в доверчивое и послушное население, в быдло. Об этом ведь мечтали Муссолини с Гитлером.

Встречались с итальянцами. Говорили о дружбе народов. Пели песни. Мило улыбались друг другу. Чего желать?..

Вдруг – читаю в одной из газет: уже до вступления Литвы в НАТО одну из бывших советских военных баз начали обживать... альпийские горные стрелки из Италии.

До чего же приманчивы *родины просторы*... Моей родины!